

Татьяна Данильченко

***Социальные и политические проблему
мировоззренческих и ментальных лагун***

В трактовке политических лагун существует некоторый объективизм, «географический» и «социально-экономический» детерминизм. Лагунами называются некоторые объективные детерминанты. Однако лагуны заключаются не в самой реальности, а «в голове», которая воспринимает, мыслит и оценивает эту реальность. Ментальные, когнитивные, эмоциональные, аксиологические несовпадения приводят к возникновению социальных противоречий, непонимания, противоположных оценок одних и тех же политических реалий. Социальные и политические позиции и интересы играют в этом случае определяющую роль. Но сам феномен проявляется в несовпадении смыслов. В сентябре 2005 датская газета *Jyllands-Posten* опубликовала 10 карикатур, которые были восприняты многими как прямое осмеяние пророка Махаммада и Ислама. Реакция на эту публикацию была крайне негативной. Этот случай поднимает не только проблему того, когда закон правомерен в ограничении свободы слова, но и проблему влияния лагун на состояние общественного мнения. Свобода слова как ценность не абсолютна. Любая оценка защиты или запрета свободы слова вовлекает балансирование противоречивых интересов и ценностей.

Законы, касающиеся свободы слова, в различных странах имеют неодинаковые ограничения. Независимо от либеральности законов «коллективная память» людей может играть ведущую роль в оценку значения и величины причинения вреда. Национализм, интернационализм, космополитизм - это не только разные политические позиции, но также разные ментальные организации сознания, разные картины мира и разные способы понимания реальности, межчеловеческих отношений и самого себя. Это различные механизмы идентификации и самоидентификации. На стыке различных идентичностей находятся лакуны. Поэтому без идеологии, проповедующей терпимость к инаковости, сочувствие и сострадание к «слабому», греховность гордыни и потребительства, взаимопонимания в сильно стратифицированном обществе не добьешься.

Ключевые слова: лакуны, политические лакуны, идентичность, терпимость.

Теория лакун занимает еще сравнительно скромное место в отечественных социально-политических разработках, что крайне несправедливо. В связи с этим интерес представляет обращение А.В.Баранова к исследованию политико-культурных лакун Юга России [Баранов, 2008: 128-147].

Автор рассматривает электоральное поведение россиян в зависимости от региональных и локальных социокультурных факторов. Нас будет интересовать, прежде всего, авторское понимание лакун, самое понятие «лакуна», «политическая лакуна», «природа лакун». Характеризуя объект статьи, автор высказывает свое понимание лакун: «...Политико-культурные лакуны, т.е. территориальные сообщества людей, контрастирующие по идентичности и установкам деятельности с системами более высокого уровня» [Баранов, 2008: 128]. При этом автор подчеркивает, что лакуны проявляются в совокупности познавательных, эмоциональных, оценочных ориентаций [Баранов, 2008: 128].

Методологически автор ориентирован на теорию социокультурных расколов (С.Липсет, С.Роккан) и модель диффузии инноваций (Т.Хегерстанд).

В качестве субрегионов автор рассматривает Черноморское побережье Юга России, Кавказские Минеральные Воды и агломерацию Ростов-Таганрог. Его задачей является сравнение политико-культурных лаун этих регионов в долгосрочном и краткосрочном проявлениях.

В качестве долгосрочных системообразующих факторов лакунарности А.В.Баранов называет следующие: географическое расположение территориальных сообществ, историческая специфика, экономические особенности, социальный и этнический состав населения, политический статус местности, геополитическое значение территории в рамках России, местная идентичность [Баранов, 2008: 129]. Соответственно к краткосрочным факторам, вызывающим лакуны, автор причисляет степень институционализации локальных элит и групп интересов, преобладающие формы политического участия, электоральные ориентации, уровень угроз безопасности [Баранов, 2008: 129].

Геополитическая специфика этих лаун видится в том, что они являются районами с преобладанием третичного сектора, высокоинтегрированные в международные связи, «локомотивы роста» в сравнении с окружающим агропромышленным регионом [Баранов, 2008: 129]. Социальная специфика отмечается следующим образом: повышенная урбанизированность, значительная занятость в «теневой» экономике, относительно высокий уровень жизни, наиболее интенсивная миграция и мобильность сообщества. Этнический состав на порядок более мозаичен и быстрее меняется, чем в казачьих и горских местностях [Баранов, 2008: 129]. Политические статусы трех лаун также отмечаются как неравновесные: Ростовская агломерация дает основной состав региональной элиты, Черноморское побережье и Минводы –

«теневые» очаги элитогенеза, соперничающие с административными центрами [Баранов, 2008: 129].

Фактор идентичности проявляется следующим образом: «местные сообщества воспринимают себя как «иных», отдельных от окружающих регионов, более восприимчивых к нормам общероссийской культуры и императивам глобализации» [Баранов, 2008: 129-130].

Внешнее выражение политико-территориальных лакун обнаруживается в их электоральных ориентациях: «повышенный (относительно южнороссийского региона) уровень абсентизма и голосования «против всех»; повышенная поддержка либеральных партий и кандидатов (суммарно 10-14% за СПС и «Яблоко» на думских выборах 2003 г.; повышенная поддержка коммунистов; для местных сообществ растет роль миграционной и этнополитической проблематики. Отмечена повышенная поддержка ЛДПР и «Родины» в районах потенциальных конфликтов. «Промышленные» Ростов и Новороссийск оказали большую поддержку национал-консерваторам, чем «курортные» Сочи и Пятигорск. В избирательных кампаниях по выборам глав регионов и законодательных органов власти отмечена пониженная явка жителей Черноморского побережья и Минеральных Вод, что подтверждает влияние локального автономизма вплоть до идеи образования собственных субъектов федерации» [Баранов, 2008: 130].

Можно только согласиться с автором статьи в том, что «Российское политическое пространство прерывисто, неоднородно, дискретно. Россия – многоукладное («многосоставное» по А.Лейпхарту, «расколотое» - по А.Ахизеру) общество. Страна живет в разных эпохах одновременно (от постиндустриальных очагов – Москвы и Петербурга до военно-патриархальных вожеств Чечни). Направленность политических процессов и скорость перемен в регионах различаются коренным образом, на порядок.

Оборисованные факторы до сих пор слабо рефлектируются научным сообществом и практикующими политиками» [Баранов, 2008: 131].

Отмеченная высокая степень разнородности политического пространства России является источником политических лагун. Однако насколько адекватно понимаются сами лагуны? На этом мы хотим сосредоточить свое внимание.

Основной раскол, вызывающий лагунарность, все-таки, социокультурный, он проходит по линии «город-село», и взаимоусиливается расколом «казачьи – неказачьи местности, до 1937 г. делившим пространство нынешнего Краснодарского края по Большому Кавказскому хребту. И далее А.В. Баранов поясняет: «Черноморское побережье Краснодарского края может быть отнесено к редкому варианту субрегиональных культур, т.е. к политико-культурным лагунам. Термин впервые применил Л.Смирнягин [Смирнягин, 1989:30] [Морозова, 2002: 79-80], для обозначения территорий, резко контрастирующих по своему политическому сознанию и ориентациям деятельности с таксономической единицей более высокого ранга, в состав которой лагуны входят. Лагуны выделяются внутри сравнительно однородной региональной политической культуры собственной системой познавательных, эмоциональных и оценочных ориентаций» [Баранов, 2008: 139-140].

Нам представляется, что когда речь идет о географических, социально-экономических факторах лагунарности, то это скорее не сами лагуны, а их детерминанты. Сами лагуны являются более субъективными образованиями, чем объективными. Их непосредственной причиной является несовпадение менталитета, традиции, концептуальных или языковых картин мира. Именно в этих случаях автор более говорит о самих лагунах, а не об их причинах: «Ментальный (социокультурный) фактор самобытности проявляется в диалектах русского языка, своеобразном восприятии пространства (дихотомия: «у нас» и «у них на Кубани, за горами») и

времени (цикличность курортных сезонов постепенно вытесняется в сознании «линейным» временем постиндустриальной экономики). ... Новейшие технологии информации и коммуникации закрепляют социокультурный «рубеж» между краем и побережьем. Например, космополитичный образ жизни москвичей представляется сочинцам и новороссийцам более близким, чем относительно традиционный быт станиц Кубани или Краснодара» [Баранов, 2008: 142].

Но лакуны – это не Кавказский хребет или город-село, а форма сознания, выражение различных взглядов, мировоззрений. Одно и то же событие, явление вызывает противоположные, несовпадающие мнения, потому что различно осознание природных, экономических, политических процессов и явлений. В этом нельзя разобраться в политологии, если не обратиться к междисциплинарности, к тому опыту изучения лакун, которым в этой области владеет лингвистика. Но уже с первого взгляда должно быть понятно, что сообщества людей ведут себя по-разному не потому, что они разделены Кавказским хребтом, или живут в разных геополитических ареалах, а потому что мыслят по-разному, имеют разную социальную и политическую картину мира, одни и те же события видят и объясняют противоположным способом. Они как бы живут в разных измерениях, с разными маркерами и ценностями и смыслы у них несовместимы. «Правые» не понимают «левых», «Север» думает иначе, чем «Юг», «Запад» имеет другую картину и карту мира, чем «Восток».

В лингвистике существуют многообразные классификации лакун и инструментарий политической лингвистики может быть применен для рассматриваемых целей. Мы воспользуемся в данном случае другим подходом, поскольку политические акторы – это одновременно некоторые мыслители, деятели, риторы и трибуны, то все виды лакун классифицируем на *мировоззренческие и ментальные*.

Мировоззренческие лакуны обусловлены различием сознательно артикулируемых картин мира, ценностей, убеждений, позиций.

Ментальные лакуны выражают верования, оценки, стереотипы, действия, осуществляемые социально бессознательно. Это не значит, что они не могут осознаваться, но сознание не играет в этом случае ведущей роли, в отличие от мировоззрения, где человек позиционирует себя сознательно. В дальнейшем мы остановимся преимущественно на концептуальных лакунах.

Национальный язык участвует в двух процессах, связанных с картиной мира. Во-первых, в его недрах формируется языковая картина мира. Во-вторых, сам язык выражает и эксплицирует другие картины мира человека, которые через посредство специальной лексики входят в язык, принося в него черты человека, его культуры. Национальная языковая картина мира – это совокупность зафиксированных в средствах языка представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа. На непосредственное мышление и поведение человека влияет когнитивная картина мира. Несовпадение языковой и когнитивной картин мира приводит к появлению лакун, имеющих сложную природу. Это несовпадение связано с национальной спецификой концептосферы. Концептуальные лакуны – отсутствие слова и концепта, так как соответствующее явление не познано народом. Поэтому наиболее ярко национальная специфика концептосфер народов проявляется в наличии или отсутствии концептов.

Так, не сформировались свойственные англоамериканской концептосфере концепты «life quality», «privacy», «quality time», «tolerance», «political correctness», именуемые в русском языке с помощью калькированных переводов: «качество жизни», «приватность», «качественное проведенное личное время», «толерантность», «политическая корректность». С другой стороны, «разговор по душам», «выяснение отношений», «авось», «духовность», «интеллигенция», «непротивление» – русские безэквивалентные единицы, в европейских языках, им соответствуют лакуны и, видимо, отсутствие концепта.

Концепты являются общими для всех носителей соответствующей культуры, они ментально объединяют нацию. Но так ситуация выглядит лишь в идеале. В реальности это оказывается далеко не всегда так, поскольку степень освоенности национальных концептов отдельными членами лингвокультурной общности может существенно различаться. У отдельных представителей этноса некоторый концепт может присутствовать не в полной мере.

В связи с этим, стоит различать актуальные и неактуальные концепты. Актуальные концепты регулярно вербализуются, они нужны и для мышления, и для коммуникации. Неактуальные концепты могут быть нужны для мышления, но они крайне редко вербализуются. Неактуальные в национальной концептосфере концепты могут быть актуальными в групповой и личностной концептосферах и наоборот. Поэтому априорно ясно, что концептосфера представителей верхних и низших слоев одного и того же социума будут актуализировать разные концепты и то, что первостепенно важно для бедных может попадать в разряд лакунарных понятий для богатых. Нетрудно предположить справедливый и обратное.

Возможно наличие в сознании отдельных людей или групп людей концептов, свойственных концептосфере других народов. Очевидно, что лексика и тезаурус социальных групп, вовлеченных в структуры информационной цивилизации, структуры международного бизнеса, финансов коренным образом отличается от тезауруса, лексики и концептов населения живущего в традиционном индустриальном или архаическом секторе страны.

Поэтому оценка современного состояния пока будет выглядеть более предпочтительной в таких вариантах, как у Н.Е.Покровского. Он называет данное своеобразие стабильностью кризиса, так как экономический уклад, сформировавшийся в течение 90-х годов XX века, совмещает в себе самые различные и, казалось бы, несовместимые «фрагменты»: технологически передовой

постиндустриализм и квазирынки, возродившуюся архаику и натуральный обмен, криминальную экономику, подневольный труд, индустриализацию, постиндустриализацию и деиндустриализацию. Причем, это не переходная многоукладность, а именно стабильный новый уклад с так называемой манипулятивной демократией, то есть использованием «внешней формы демократического процесса для сокрытия глубоко недемократической и даже антидемократической его сути» [Покровский, 2001: 43].

В то же время, в социальном пространстве России существуют локальные территории постиндустриальной экономики и глобализированного сообщества. Мы согласны с тем, что современное «глобализированное население России» - качественно новая общность, которую можно попытаться смоделировать следующим образом: ориентированность на материальное потребление, пусть даже самого низкого уровня: постоянное сужение поля социального интереса; необычайная пластичность, способность адаптироваться к любым социальным изменениям; виртуализация (внешнее проявление этого – подчиненность масс-медийным сообщениям); снятие любых нравственных вопросов; преклонение перед любой властью, даже в ситуации относительной свободы выбора; культурная нетребовательность [Покровский, 2001: 45-46].

Такая разнородность экономического и социального состава общества служит объективным источником разнородных интересов, позиций, установок сознания. Лагуна, к примеру, может обнаружиться в политическом лексиконе, но в групповом или индивидуальном сознании она может быть заполнена. В таком случае концепт носит групповой характер, он номинирован внутри этой группы, а не среди всех носителей языка.

Таким образом, наличие или отсутствие концепта никак не связано с наличием или отсутствием в языке номинирующих его единиц, так как концепты возникают как в результате прямого отражения действительности сознанием, так и в результате

межкультурных взаимодействий, в ходе заимствования знаний через механизмы диахронной трансляции или синхронной коммуникации. Лакунарность в межкультурной коммуникации обуславливается несовпадением национальных картин мира, менталитета, различием их концептуального содержания и знаковой формой репрезентации. Но в любом случае, лакуна – это форма самосознания, а не географическая, экономическая или социальная среда.

Национальный менталитет - это способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов нации. Менталитет народа проявляется, прежде всего, в его характере, действиях, коммуникативном поведении. Он связан преимущественно с аксиологической сферой сознания и проявляется как совокупность стереотипов в осуществлении суждений и оценок.

Концептосфера, в определенной степени, определяет особенности восприятия и понимания действительности [Попова, 2001: 67], так как образующие национальную концептосферу ментальные единицы являются основой образования когнитивных стереотипов. С другой стороны, национальный менталитет влияет на концептосферу. Он направляет динамику формирования и развития концептов, так как сложившиеся стереотипы влияют на содержание формирующихся концептов, оценки явлений и событий.

Различного рода лингвистические исследования привели к накоплению и обобщению языкового материала по рассматриваемой проблеме. В связи с возрастающей актуальностью проблемы межкультурной коммуникации весьма важным представляется изучение межъязыковых лакун с учетом влияния национальной ментальности и концептосферы. Отметим, что «межъязыковой лакуной» в такого рода исследованиях называется отсутствие какой-либо лексической единицы в одном языке, при наличии её в другом языке [Попова, 2003: 21-23; 6, 40]. Среди факторов, способствующих возникновению и закреплению национально-культурной специфики локальных исторических общностей, большинство ученых выделяют,

прежде всего, природно-географические, социальные, исторические факторы, составляющие особенности жизни того или иного этноса [Поршнев, 1979], [Бромлей, 1973], [Гачев, 1967].

Различия не существуют сами по себе, и только контакт с другими, сравнение своего с чужим придают тем или иным элементам культуры статус дифференциального признака. Признаки, выполняющие дифференцирующую функцию по отношению к другим локальным культурам, являются интегрирующими для данной общности. Обязательное наличие сходства во всех культурах не исключает наличия культурной дистанции даже между очень сходными культурами. Рассмотрим те компоненты культуры, которые могут носить национально-специфический характер.

Во-первых, для того, чтобы выявить этнодифференцирующие культурологические признаки, необходимо взаимодействие, по крайней мере, двух культур. Только в общении с другим этносом осознается, формируется, закрепляется нечто специфическое для данного этноса и для данной культуры. Во-вторых, специфические различия этнокультурных общностей определяются различием сфер человеческой деятельности. Следует, однако, учитывать, что во всех компонентах культуры существует и нечто общее, служащее основой общения представителей различных этнокультурных общностей.

Локальные ценности, как набор этноинтегрирующих и этнодифференцирующих свойств, могут быть средством примирения и средством разобщения. Для современных работ по проблемам понимания характерно стремление найти пути комплексного изучения этого феномена. Поскольку понимание - это процесс и результат человеческого общения, а общение осуществляется в определенной ситуации, необходимо учитывать разнообразный контекст.

Негативным результатом процесса общения является непонимание. Примером полного непонимания может служить попытка общения на разных языках. Однако можно представить и

такую ситуацию, когда после неудачной попытки общения на вербальном уровне, будет достигнуто взаимопонимание с помощью невербальных средств коммуникации.

Контактируя с чужой культурой и инокультурным текстом, реципиент воспринимает ее через призму своей локальной культуры. Этим априорно предопределяется непонимание специфических феноменов незнакомой культуры. Поэтому необходим понятийно-терминологический инструментарий, с помощью которого можно было бы выявлять и исследовать трудности, возникающие в процессе понимания чужой культуры. Такой инструментарий может быть использован для описания национально-культурной специфики лингвокультурных общностей, находящихся в ситуации контакта.

На данном этапе развития теории лакун существуют несколько основных подходов к проблеме универсального и специфического в языках и культурах. В рамках этих подходов предлагаются также разные пути и способы установления лакун в сознании, языке и культуре. В отечественной и зарубежной науке наличие лакун иногда объясняется механизмом «функционирования» лингвистических и культурологических универсалий. Эти точки зрения, по-нашему мнению, являются наиболее приемлемыми [Махонина, 2002], [Донских, 1989], [Быкова, 2001], [Серебренников, Кубрякова, Постовалова и др., 1998]. Действительно, некоторые феномены культуры и языка, даже считающиеся универсальными, могут быть представлены в локальных культурах в специфически национальной форме. Более того, существуют и более лакунизированные феномены. Поэтому, даже при отсутствии лингвистических барьеров, культурные расхождения могут стать препятствиями в межкультурном общении. Наличие же языковых расхождений превращает культурные различия в ещё более глубокие лакуны. Следовательно, наличие лакун в текстах можно интерпретировать с точки зрения несовпадения национально-культурных типов реципиентов.

Свойственный каждой локальной культуре комплекс знаний в соединении с психическими особенностями и национальным характером носителей данной культуры формирует определенный тип реципиента. Тип реципиента можно рассматривать как интеллектуально-эмоциональный образ личности со специфической структурой коммуникативного поведения, характерной для его культурной общности (например: Языковая личность: экспликация, восприятие и воздействие языка и речи: Монография. – Краснодар, 1999). Установление лагун в инокультурном тексте, следовательно, есть выявление того, в чем расходятся национально-культурные типы реципиентов, принадлежащих двум различным культурам.

Вступая в контакт с «чужой» культурой, инокультурным текстом, реципиент осознанно и неосознанно оценивает ее в «кодах» своей культуры. Этим априорно закладывается основа для неадекватного распредмечивания специфических особенностей «чужой» культуры. Они могут быть либо неадекватно интерпретированы реципиентом, либо вовсе не поняты. Все, что в инокультурном тексте реципиент заметил, но не понимает, что кажется ему странным и требующим интерпретации, служит сигналом присутствия в тексте национально-специфических элементов культуры, т.е. лагун.

Из сказанного следует вывод, что поскольку отношения идентификации столь сложны и запутаны, то и процесс устранения лагун в этой сфере не столь тривиален. Адекватный перевод и понимание могут быть достигнуты лишь в том случае, когда субъект, осуществляющий перевод, будет давать соответствующую интерпретацию. А последняя возможна лишь в том случае, когда ему хорошо, то есть, на теоретическом уровне известны механизмы идентификации и самоидентификации как на социальном, так и на персональном уровне.

Теперь вернемся к началу статьи. Что мы видим? В трактовке политических лагун А.В.Баранова мы наблюдаем некоторый объективизм, «географический» и «социально-экономический»

детерминизм. Лакунами называются некоторые объективные детерминанты, в то время когда лакуны заключаются не в самой реальности, а «в голове», которая воспринимает, мыслит и оценивает эту реальность. Ментальные, когнитивные, эмоциональные, аксиологические несовпадения приводят к возникновению социальных противоречий, непонимания, противоположных оценок одних и тех же политических реалий. Социальные и политические позиции и интересы играют в этом случае определяющую роль. Но сам феномен проявляется в несовпадении смыслов. В сентябре 2005 датская газета *Jyllands-Posten* опубликовала 10 карикатур, которые были восприняты многими как прямое осмеяние пророка Махаммада и Ислама. Реакция на эту публикацию была крайне негативной. Этот случай поднимает не только проблему того, когда закон правомерен в ограничении свободы выражения, но и проблему влияния лакун на состояние общественного сознания и общественного мнения.

Необходимо учитывать две вещи. Во-первых, в то время как свобода слова - важная ценность, она не абсолютна. Это - одна из многих ценностей и может быть сокращена в свете других ценностей. Таким образом, любая оценка защиты или запрета свободы слова вовлекает балансирование противоречивых интересов и ценностей. Во-вторых, законы, касающиеся свободы слова в различных странах имеют неодинаковые ограничения. В современной России и США возможно самые либеральные законы в отношении к защите свободы слова. Во многих других странах законы гораздо строже. Однако, независимо от либеральности законов относительно свободы слова, «коллективная память» людей может играть роль в выборе типа речи, которая может быть ограничена, поскольку память может внести вклад в оценку значения и величины причинения вреда.

Кроме того, национализм, интернационализм, космополитизм - это не просто разные политические позиции, но также разные ментальные организации сознания, разные картины мира и разные

способы понимания реальности, межчеловеческих отношений и самого себя, т.е. различные механизмы идентификации и самоидентификации. Поэтому без идеологии, проповедующей терпимость к инаковости, сочувствие и сострадание к «слабому», греховность гордыни и потребительства, взаимопонимания в сильно стратифицированном обществе не добьешься. Только лишь с помощью научной теории устранения концептуальных лагун в общественном сознании и в межкультурной коммуникации достичь невозможно.

- [1] Антипов, Г.А., Донских, О.А., Марковина, И.Ю., Сорокин, Ю.А. 1989. – Новосибирск.
- [2] Баранов, А.В. 2008. *Политико-культурные лагуны Юга России (сравнительный анализ)*. Регионалистика и этнополитология/Редкол.:Р.Ф.Туровский (отв. Ред.) и др.- М.:Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
- [3] Бромлей, Ю.В. 1973. *Этнос и этнография*. М.
- [4] Быкова, Г.В. 2001. *Феноменология лексической лагунарности русского языка*, Благовещенск.
- [5] Гачев, Г.Д. 1967. *О национальных картинах мира*. Народы Азии и Африки. №1.
- [6] Gołoś, M. 2008. *Johna Locka filozofia polityki, w: Eine Philosophie. Eine welt. Ein Mensch*, Hannover.
- [7] Языковая личность: экспликация, восприятие и воздействие языка и речи: Монография. – Краснодар, 1999.
- [8] Махонина, А.А. 2002. *К вопросу о классификации межъязыковых лагун*. Язык и национальное сознание. Вып.4. – Воронеж.
- [9] Покровский, Н.Е. 2001. *Транзит российских ценностей: нереализованная альтернатива, анатомия, глобализация*. Глобализация и постсоветское общество/Ред. А.Согомонов и С.Кухтерин. – М.: Сточи.
- [10] Попова, З.Д., Стернин, И.А. 2001. *Очерки по когнитивной лингвистике*. – Воронеж.
- [11] Попова, З.Д., Стернин, И.А. 2003. *Язык и национальная картина мира*. – Воронеж.
- [12] Поршнев, Б.Ф. 1979. *Социальная психология и история*. – М.

- [13] Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира/Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. – М., 1988.
- [14] Rzyziński, R. 2009. *Kilka wybranych XX wiecznych teorii tekstu i literatury*, .in: „Facere veritatem in caritate”, dz. zb. pod. red. D. Patera, R. Króla, Warszawa.
- [15] Sirojć, Z. 2004. *Wpływ procesu integracji z Unią Europejską na zarządzanie zasobami ludzkimi w administracji państwowej*, Zarządzanie Zasobami Ludzkimi, nr 2.
- [16] Słomski, W. 2004. *In a search for quantum theory of mind*, London 2004.
- [17] Сиройч, З. 2004. *Системная трансформация в постсоциалистических государствах на фоне процессов глобализации и регионализации экономики*, „Демографія та соціальна економіка” 1/2.
- [18] Сиройч, З. 2008. *Социально – экономические проблемы современных крупных городов*, „Актуальные проблемы менеджмента”, сборник научных трудов, Москва.
- [19] Смирнягин, Л.В. 2002. *Регионы США*. М.:Мысль, 1989. С.30; Морозова Е.В. Политическая коммуникация и политическая реклама на выборах губернатора Краснодарского края, Региональные выборы и проблемы гражданского общества на Юге России. М: Моск. Центр Карнеги.